$S\ T\ U\ D\ I\ A \quad P\ H\ I\ L\ O\ L\ O\ G\ I\ C\ A$

ДИНАМИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ

СЛОВО ПРЕДЛОЖЕНИЕ ТЕКСТ

Сборник статей в честь Е.В.Падучевой

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 06-04-16010

> Рецензенты: профессор А. Е. Кибрик, профессор Н. А. Николина

Редколлегия: А. В. Бондарко, Г. И. Кустова, Р. И. Розина

Д 44 Динамические модели: Слово. Предложение. Текст: Сб. ст. в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. — 1056 с. — (Studia philologica).

> ISSN 1726-135X ISBN 978-5-9551-0285-6

Сборник статей «Динамические модели: Слово. Предложение. Текст» подготовлен к юбилею выдающегося отечественного лингвиста Елены Викторовны Падучевой. Труды Е. В. Падучевой по семантике, синтаксису, проблемам нарратива и анализа текста давно уже стали классическими, они сыграли важную роль в формировании научного мировоззрения нескольких поколений лингвистов. Состав сборника и проблематика его статей отражают широкий спектр лингвистических и общефилологических интересов юбиляра: проблемы лексической семантики и лексикографии (теоретические аспекты многозначности; семантика слов разных частей речи и ее лексикографическое представление; таксономические категории и семантические классы глаголов; семантика отглагольных существительных; семантико-синтаксические свойства наречий, производных предлогов, частиц, союзов); проблемы морфологии и синтаксиса (семантика морфологических категорий; теоретические проблемы аспектологии; диатезы и залоги; актанты и валентности; подлежащее; номинализация; типы и свойства различных конструкций и предложений); лингвопоэтический и прагматический анализ текста (фольклорные и ритуальные тексты; стихи и художественная проза; структура диалога; интонационные стратегии текста).

В сборнике представлены работы лингвистов разных поколений: это и ведущие отечественные и зарубежные лингвисты, и прямые ученики и последователи Е. В. Падучевой, и талантливые представители нового поколения лингвистов, на которых работы Е. В. Падучевой оказали значительное и благотворное влияние.

Широта проблематики и высокий профессиональный уровень статей делают сборник интересным не только для лингвистов самого широкого круга специальностей, но и для представителей смежных областей, а также для всех тех, кто интересуется проблемами языка.

81.031

ISBN 978-5-9551-0285-6

© Авторы, 2008

© Языки славянских культур, оригинал-макет, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

В. Ю. Апресян. О судьюе и не-судьюе	7
Ю. Д. Апресян. Английский толково-комбинаторный словарь. І.	
Лексические функции	20
П. М. Аркадьев. Таксономические категории глагола и темпоральные наречия:	
свидетельства адыгейского языка	59
Н. Д. Арутюнова. То, да не то, а сам не знаю что	71
О. Ю. Богуславская. Причина в логике и в языке	88
А. Богуславский. Однозначное кроме	
И. М. Богуславский. Актантное поведение адвербиальных дериватов	110
А. В. Бондарко. К вопросу об имплицитном представлении	
семантического содержания	129
В. Борщев, Барбара Парти (Barbara H. Partee). Бытийные и локативные	
предложения — что их различает? Тема-рематическая структура или диатеза?	137
Д. Вайс (Daniel Weiss). Временная соотнесенность	
двойных глаголов совершенного вида	154
А. Вежбицкая. Имеет ли смысл говорить о «русской языковой картине мира»?	
(Патрик Серио утверждает, что нет)	177
В. И. Гаврилова. Термины «декаузатив» и «квазипассив»	
как конкурирующие термины	190
Р. Гжегорчикова. О различиях в восприятии понятия 'вины'	
в польском и русском языках	214
М. Я. Гловинская. Семантические и прагматические факторы	
как источник оценки у безоценочных слов	224
Е. Л. Григорьян. Действия, происшествия, состояния или ощущения?	236
В. З. Демьянков. Очаровательная красота	249
Д. О. Добровольский. Регулярная многозначность в сопоставительном аспекте	280
Н. Р. Добрушина, М. А. Даниэль. Русская частица смотри	
в типологическом освещении	
В. М. Живов. Юридические кодексы и режим интерпретации	
А. К. Жолковский. 1984 (Взгляд лингвиста)	
Г. Зельдович. Русские двувидовые глаголы: референциальный инвариант	331
Е. А. Земская. Об одной новой модели в русском словообразовании	
(может ли приставка присоединять к себе суффиксы?)	
Вяч. Вс. Иванов. К метонимии у Пастернака: испарина вальса и аромат мандарина	
Ю. П. Князев. Адресатное и обобщенно-личное значения форм 2-го лица	
С. В. Кодзасов. Эмфаза как разновидность фокализации	380
А. Д. Кошелев. О классификации и эволюционной динамике	
лингвистических теорий	398
Г. Е. Крейдлин, П. М. Аркадьев, А. Б. Летучий. Сравнительный анализ вербальных	
и невербальных знаковых кодов (постановка задачи и способы ее решения)	439

M A M	450
М. А. Кронгауз. Число в названиях	
С. А. Крылов. Несколько положений общей теории залога	
Л. П. Крысин. Структурные и функциональные свойства иноязычных неологизмов	482
Г. И. Кустова. Многозначность глаголов и многозначность частиц	400
в семантическом и грамматическом пространстве языка (пустить и пусть)	489
И. Б. Левонтина. Заимствования в современном русском языке	
и динамика русской языковой картины мира	
Н. Н. Леонтьева. Постсемантический анализ текста: промежуточные структуры.	
А. Б. Летучий. К типологии классов лабильных глаголов	547
X. Р. Мелиг (Hans Robert Mehlig). Взаимодействие между видом	7.60
и «накопителями» в русском языке	
М. Михеев. Понимание — не-, недо-, сверх-понимание	594
С. Е. Никитина. Что делает молоканский пророк?	
(На материале духовных песен и полевых интервью)	605
Т. М. Николаева. «Зеркало рецепции»: восприятие информации.	
Московские диалоги	620
А. Г. Пазельская. Образование отглагольных существительных	
и актантные преобразования в русском языке	634
В. А. Плунгян. Об одном «незамеченном» типе русского стиха:	
логаэдический пеонический дольник	646
Е. В. Рахилина, О. Н. Ляшевская. Генитив субъекта и наречие пока:	
прагматика структуры события	
Р. И. Розина. Метонимия в поэзии Бродского	
С. Ю. Семенова. О таксономии актантов параметрических имен	691
Д. В. Сичинава. Связь между формой и семантикой перфекта:	
одна неизученная закономерность	711
С. Г. Татевосов. Номинализация и проблема непрямого доступа	750
Я. Г. Тестелец. Структура предложений с невыраженной связкой	
в русском языке	
С. М. Толстая. Многозначность слова в зеркале его дериватов	
Ханну Томмола. «Несобственная собачья речь» и «свободный псовый дискурс»	
Е. В. Урысон. Синтаксические свойства союзов и теория валентностей	809
Б. А. Успенский. Вид и дейксис	825
М. В. Филипенко. Структура многозначности наречия автоматически	
и акцентные сдвиги в толковании	
В. С. Храковский. Похвальное слово диатезе	
И. Б. Шатуновский. Общие (полные) вопросы в русском языке	
А. Д. Шмелев. Посессивы в современной русской грамматике	
Т. Е. Янко. Интонационные стратегии незавершенного текста	
E. Hajičová, J. Panevová, P. Sgall. The Meaning of the Sentence in Corpus Tagging	962
L. A. Janda. Transitivity in Russian from a Cognitive Perspective	
Igor Mel'čuk. Remarks on Semantic Neutralization	989
С. А. Крылов. Динамические модели в грамматике и лексике:	
вклад Елены Викторовны Падучевой и её научной школы	
Научные трулы Елены Викторовны Палучевой	1025

О СУДЬБЕ И НЕ-СУДЬБЕ*

В. Ю. Апресян

Елене Викторовне Падучевой

Была — судьба. Было русское «*не-судьба*» (Марина Цветаева. Повесть о Сонечке)

О лингвоспецифичности русского понятия «судьба» было написано немало. Достаточно упомянуть классическую работу Анны Вежбицкой о трех ключевых концептах русской культуры [Wierzbicka 1990], а также более поздние исследования на эту тему [Булыгина, Шмелев 1997]. Интересно, однако, что в вышеприведенной цитате из Марины Цветаевой «русским» называется нечто противоположное судьбе — не-судьба. Может ли это сочетание претендовать на роль этноспецифичного языкового элемента, выражающего ключевую для русской языковой картины мира идею? Нам представляется, что для этого есть серьезные языковые основания, которые мы излагаем ниже.

1. Языковые основания этноспецифичности языковых единиц

Что может считаться достаточным основанием для отнесения языковой единицы к числу этноспецифичных, культурно значимых элементов? В современной лингвистике этот вопрос неоднократно ставился и были предложены лингвистические критерии оценки этноспецифичности, которые представляются весьма убедительными.

В работах [Апресян 1995; 2006] предлагается систематическая и детально разработанная система таких критериев. По-настоящему этноспецифичные ключевые идеи, подобно системообразующим смыслам, пронизывают язык

^{*} Данная работа выполнена при поддержке следующих грантов: гранта для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации № НШ-3205.2008.6, гранта РГНФ № 06-04-00289а на «Разработку словника и проспекта активного словаря русского языка», гранта РГНФ 07-04-00-202а на «Системообразующие смыслы и их связи в языке», гранта Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Русская культура в мировой истории».

на всех уровнях: «Реально "особый способ мировидения" проявляет себя в национально специфичном наборе ключевых идей — своего рода семантических лейтмотивов, каждый из которых выражается многими языковыми средствами самой разной природы — морфологическими, словообразовательными, синтаксическими, лексическими и даже просодическими»; «Определенная ключевая идея имеет тем больше оснований на лингво-, или этноспецифичный статус, чем больше арсенал средств ее выражения в данном языке по сравнению с другими языками, чем разнообразнее их природа (особенно показательны в этом отношении грамматикализованные значения) и чем больше число языков, в которых она не может быть выражена столь же простыми средствами»; «Об этноспецифичности картины мира в языке L относительно какого-то другого языка или языков можно говорить в двух случаях: а) когда в L есть простые по своей структуре языковые единицы с таким значением, которое в других языках может быть выражено только описательно, т. е. сложными единицами типа словосочетаний или предложений (этноспецифичность в сильном смысле); б) когда какое-то значение, в принципе выразимое простыми средствами и в других языках, имеет в L некий особый грамматикализованный или полуграмматикализованный — статус (этноспецифичность в слабом смысле)» [Апресян 2006: 34—36].

Эта система критериев может быть дополнена соображениями, высказанными в работе [Шмелев 2002: 13], где наиболее показательными с точки зрения понимания культурных особенностей мировосприятия предлагается считать «нетривиальные семантические конфигурации 1, достаточно частотные в бытовом дискурсе (возможно, повторяющиеся в значении ряда слов) и относящиеся к неассертивным компонентам высказывания». Замечания о частотности нетривиальных семантических конфигураций в бытовом дискурсе, а также о неассертивности этноспецифических семантических компонентов представляются весьма важными.

Нам кажется, что для утверждения об этноспецифичности какого-то концепта важно и само сознание носителей языка: если какое-то слово осознается ими как выражающее типичную для данной культуры идею, это также следует принимать во внимание; ср. «русский aвось» или, как в вышеприведенном примере, «русское ne-cydьбa».

Представляется, что выражение *не судьба* может претендовать на статус этноспецифичного элемента, выражающего важные для русской языковой картины мира ключевые идеи, по следующим причинам:

¹ Понятие «нетривиальной семантической конфигурации», которым оперирует А. Д. Шмелев, как нам кажется, пересекается, хотя и не совпадает полностью, с понятием «культурных скриптов», предложенным А. Вежбицкой [Вежбицка 2002], и близко к понятию «ключевой идеи» или «семантического лейтмотива» Ю. Д. Апресяна.

- а) оно, как будет показано ниже, содержит, в числе неассертивных смысловых компонентов, некоторые ключевые для русской языковой картины мира идеи, выражаемые также и другими лексическими единицами;
 - б) оно не переводимо простым образом на другие языки;
 - в) оно имеет полуграмматикализованный статус.

2. Грамматикализованность сочетания не судьба

Рассматривая значение сочетания отрицательной частицы *не* с какой-то языковой единицей, естественно, казалось бы, сравнивать его с исходной единицей как наиболее близкой по значению. Оказывается, однако, что в случае выражения *не судьба* это не лучший путь. Как видно из цветаевского примера *Была* — *судьба*. *Было русское* «*не-судьба*», синтаксически сочетание *не судьба* вовсе не является отрицанием существительного *судьба*. При том, что в большинстве случаев *не судьба* согласуется с глаголом в женском роде, есть некоторое количество примеров, подобных цветаевскому, где это выражение трактуется как принадлежащее к среднему роду, что, конечно, абсолютно невозможно для существительного *судьба*. Эта особенность очень показательна, и указывает она на особый лексический и синтаксический статус сочетания *не судьба*.

Синтаксически выражение не судьба представляет собой вовсе не существительное в комбинации с отрицательной частицей, а предикатив, по свойствам близкий скорее к категориям состояния или безличным глаголам типа не суждено, которые подчиняют пропозицию с субъектной именной группой в дательном падеже и инфинитивом; ср. Мне не судьба (не суждено) с ней увидеться. Существуют отдельные другие примеры перехода существительного в предикатив; ср. Мне радость, что ребенок в надежных руках. Однако это весьма нерегулярный тип словообразования; ср. невозможность *Ей горе его терять, *Мне обида такое выслушивать. Обычно роль предикатива в таких конструкциях выполняют краткие прилагательные, причастия и безличные глаголы.

Грамматикализация сочетания *не судьба* в качестве предикатива, закрепленность его за очень частотной в русском языке, типичной для категории состояния и безличных глаголов конструкцией, при том что в принципе русским существительным такой род деривации абсолютно не свойствен, указывает на особый статус этого сочетания и выражаемых им семантических идей в языке.

3. Фразеологизованность сочетания не судьба

Помимо грамматикализованности, на особый языковой статус выражения не судьба указывает также его преимущественно негативное употребление. Хотя утвердительный аналог этого выражения, предикатив судьба, встречается; ср. *Видно, мне судьба мыкаться по свету*, однако он гораздо менее употребителен. Ср. фразы, в которых замена отрицательной формы на утвердительную была бы неуместной:

- (1) Но, видимо, не судьба была показать парашютистам собственные навыки нынешней зимой [Андрей Введенский. Погода помешала машине, но не легионерам // «Сургутская трибуна», 2000.02.26].
- (2) Я со вздохом поднялась с диванчика: не судьба [Гала Рудых. Такой устойчивый мир // «Октябрь», 2002, № 12].

Ср. странность или неправильность фраз:

- (3) ^{??}Судьба была парашютистам показать собственные навыки нынешней зимой.
- (4) ??Я радостно улыбнулась: судьба.

Таким образом, *не судьба* не только не является отрицанием существительного cyдьбa, но и не является отрицанием предикатива cydьбa: это самостоятельная, отчасти фразеологизованная единица.

При этом у ближайшего синонима выражения *не судьба*, сочетания *не суждено*, есть столь же употребительная утвердительная форма *суждено*.

По-видимому, в русском языке существует потребность в отдельной единице, выражающей значение нереализуемости событий в силу неблагосклонности судьбы, и именно не судьба является этой единицей. В английском языке существует некий аналог сочетания не судьба в этом отношении, а именно, выражение it was not to be ('этому не суждено было состояться'), которое также не употребляется в утвердительной форме, однако их языковой статус совершенно различен. Выражение it was not to be стилистически маркировано как редкое и книжное, в то время как не судьба нейтрально или даже разговорно, т. е. гораздо более частотно и в большей степени интегрировано в языковое сознание говорящих.

4. Семантика и прагматика выражения не судьба

Ближайшим синонимом выражения *не судьба* является *не суждено*. Семантически эти языковые единицы очень близки. Ср. следующие примеры, где эти выражения практически взаимозаменимы:

- (5) Только не судьба была стать ему морским офицером [Морис Симашко. Пятый Рим. Главы из книги // «Октябрь», 2001, № 7].
- (6) Увы, не суждено Арчакову стать чемпионом в четвертый раз [Ирина Подлесова. Все бегут. В марафоне участвовали почти 2,5 тысячи человек // «Известия», 2001.09.09].

Для них можно предложить следующее общее толкование:

(7) не судьба X / не суждено X = 'событие X не происходит, потому что такова судьба 2 '

В этом толковании часть 'X не происходит' является ассертивной, а 'потому что такова судьба' — пресуппозитивной. Их отрицание, *судьба* и *суждено*, соответственно, дает смысл 'X происходит, потому что такова судьба'; ср.:

(8) Очевидно, мне судьба писать Вам каждый день [Анатолий Найман. Рассказы о Анне Ахматовой (1986—1987)]. Два столетия назад, в 1803 году произошло событие, которому суждено было существенным образом изменить картину музыкальной жизни Саратова, — открылся первый общедоступный городской театр [К 200-летию оперы в Саратове // «Российская музыкальная газета», 2003.10.].

Встает вопрос, почему толкуется не утвердительная, а отрицательная форма этих выражений. Дело в том, что для предикатива *не судьба*, как было показано выше, именно отрицательная форма является основной. Формы *не суждено* и *суждено* одинаково употребительны, однако мы будем рассматривать в первую очередь отрицательную форму, синонимичную выражению *не судьба*.

Несмотря на семантическую близость, *не судьба* и *не суждено* очень различаются в употреблении. Как будет показано ниже, *не судьба* обладает, по сравнению с *не суждено*, рядом прагматических особенностей. Именно эти прагматические особенности, наряду с вышеуказанными синтаксическими, формируют лингвистическую специфику этого выражения.

4.1. Временная ориентация

Выражения *не судьба* и *не суждено* различаются прежде всего временной ориентацией. *Не суждено* нейтрально в этом смысле; для этого выражения предпочтительны в первую очередь ретроспективные нарративные контексты, хотя возможна и проспективная ориентация. Ср.:

(9) Но Михаил Александрович «числился» императором ровно сутки: царствовать ему было не суждено [Юрий Гуллер. Русский бунт, демократический, но беспощадный // «Вечерняя Москва», 2002.03.14].

 $^{^2}$ Толкование слова *судьба* см. [Wierzbicka 1990].

- (10) Овидию не суждено было вернуться на родину = 'Овидий не вернулся на родину'.
- (11) Этим планам не суждено сбыться.

 $He\ cyждено\ X='X$ не произойдет, потому что такова судьба'

Планам не суждено сбыться = 'Планы не с б у д у т с я, потому что такова судьба' — проспективная ориентация относительно момента речи.

Для выражения не судьба такое употребление не характерно; ср. странность

- (12) [?]Овидию была не судьба вернуться на родину.
- $(13)^{??}$ Похоже, мне не судьба будет поехать во Францию.

Таким образом, для *не судьба* не характерна функция констатации фактов, точнее, не-фактов — не произошедших событий.

При этом нельзя утверждать, что *не судьба* вообще не может употребляться в контекстах будущего или прошлого; ср.:

- (14) Рекс был убит на месте, ему бампером разбило голову. --- Узнав о беде, я зарекся не судьба мне водить собак... [Олег Волков. Мои любимцы пойнтеры (1985)] ретроспективная ориентация.
- (15) Но, видимо, не судьба была показать парашютистам собственные навыки нынешней зимой [Андрей Введенский. Погода помешала машине, но не легионерам // «Сургутская трибуна», 2000.02.26] ретроспективная ориентация.
- (16) Похоже, не судьба мне тебя сегодня проводить, Наталья [Всеволод Данилов. Банк (2000)] проспективная ориентация.

Предикатив *не судьба* задает несколько более сложную временную ориентацию, чем *не суждено*. Рассмотрим прототипический случай употребления этого выражения; ср.:

(17) Нет билетов. Ну, значит, не судьба нам сегодня уехать.

Неосуществление события X (yexamb) относится κ будущему, а вывод о невозможности его осуществления делается на основе только что произошедших событий ($hemy\ билетов$), т. е. недавнего прошлого. Таким образом, $he\ cydb\delta a$ задает временную отсылку сразу κ двум событиям: недавнего прошлого и будущего.

Ср. еще один типичный пример употребления $не\ cydьба$, где на основании только что произошедшего события делается вывод о невозможности чего-то в будущем:

(18) Волю Божию он узнавал по монетке. Выпадет решка — получится, орел — знать, не судьба. Так всю жизнь и кидал [Олег Радзинский. Артемова заманка 1985].

Однако почему речь идет именно о н е д а в н е м прошлом? Попробуем использовать выражение не судьба в контексте, где утверждение о невозможности осуществления X делается на основании давно прошедших событий. Ср.:

(19) [?]Пятнадцать лет назад мне не дали американскую визу. Видно, не судьба мне съездить в Америку.

Фраза (19) прагматически неадекватна. Однако если изменить время событий на недавнее прошлое, она становится абсолютно естественной:

(20) Представляешь, мне не дали американскую визу. Видно, не судьба мне съездить в Америку.

Таким образом, *не судьба* представляет собой интересный лексический аналог грамматического времени, в русском языке не существующего, напоминающего французское passé immédiat.

Однако, как было показано в примерах (14) и (15), некоторые контексты прошедшего времени для выражения *не судьба* возможны. Рассмотрим теперь, что происходит с временной ориентацией в подобных контекстах.

(21) Рекс был убит на месте, ему бампером разбило голову. — Узнав о беде, я зарекся — **не судьба** мне водить собак...

Как видно из этого примера, событие, на основании которого выносится суждение о невозможности чего-то в будущем, произошло незадолго до момента вынесения суждения, т. е. относительно момента суждения оно произошло в недавнем прошлом. Таким образом, можно сделать вывод о том, как устроена временная референция, задаваемая выражением не судьба: незадолго до момента референции (момента вынесения суждения) происходит какое-то событие, на основании которого делается вывод о невозможности какого-то события в будущем, после момента референции. Контекст недавнего прошлого является обязательным, но задается он не относительно момента речи, а относительно момента референции, момента вынесения суждения. Аналогично, контекст будущего для события, которое не должно произойти, задается тоже относительно момента референции. Момент референции может совпадать или не совпадать с моментом речи, соответственно, временная ориентация не абсолютна, а относительна.

Из-за того, что указание на несбыточность события относится к будущему относительно момента референции, выражению *не судьба* не свойственна результативная интерпретация, столь характерная для его синонима *не суждено*.

4.2. Интерпретационность

Эта особенность временной референции, задаваемой выражением не судьба, является следствием другой его прагматической особенности — ин-

терпретационности. В каком смысле не судьба является интерпретационной единицей? Безусловно, это выражение не обладает всеми языковыми свойствами классических интерпретационных глаголов, типа обманывать, грешить и т. п.; ср. о них в [Апресян 2006: 145—159]. Синтаксически выражение не судьба не имеет и не может иметь свойств, присущих основным интерпретационным единицам — глаголам: не являясь глаголом, оно не может подчинять себе деепричастия и придаточные предложения с союзами если и когда, как это свойственно интерпретационным глаголам.

Не судьба также не обладает типичной для интерпретационных глаголов семантической структурой. У таких классических интерпретационных глаголов, как *ошибаться*, *грешить* и пр., указание на само действие составляет пресуппозицию, а указание на интерпретацию этого действия — ассерцию. Ср.

(22) Петя не ошибается, считая, что она его очень любит 'Он считает, что она его очень любит; говорящий не считает это неверным'.

Отрицанию подвергается только утверждение об ошибочности Петиного мнения, составляющее ассерцию; при этом содержание мнения, являющееся предметом оценки и составляющее пресуппозицию, не отрицается.

Выражение *не судьба* устроено обратным образом: указание на то, что нечто не произойдет, является ассерцией, объяснение, почему говорящий так считает, — пресуппозицией. Отрицанием *не судьба* является *судьба*. Ср.

- (23) Вчера он мне опять позвонил. Видно, мне судьба с ним подружиться VS.
- (24) Вчера он мне опять не позвонил. Видно, мне не судьба с ним подружиться.

Различие между (23) и (24) состоит в том, что в (23) указывается, что нечто, скорее всего, произойдет, а в (24) — что нечто, скорее всего, не произойдет. При этом интерпретационная часть в обоих предложениях одинаковая: и в (23), и в (24) некоторое событие (позвонил, не позвонил) интерпретируется как указание на другое событие (подружиться, не подружиться).

Хотя семантическая структура настоящих интерпретационных единиц обратна структуре сочетания *не судьба*, все-таки семантически *не судьба* служит именно для интерпретации: какие-то факты интерпретир ируются как проявление воли судьбы, направленной против осуществления некоторого события в будущем. Типичные фразы с выражением *не судьба* содержат слова-интерпретаторы типа видно, значит или иное указание на интерпретацию; ср. Видно, не судьба нам встретиться; Она ушла, значит, не судьба; Больше туда не ездили, решили, что не судьба, а также литературные примеры:

- (25) Я думал, что буду служить вместе с дядей Витей. Но что-то ни-каких запросов нет. Не судьба, значит [Павел Евдокимов. Два Виктора // «Спецназ России», 2003.08.15].
- (26) Теперь [она] прекрасно знает, если телефон пропал, значит, что называется, не судьба. Найдется сам собой и тогда встреча с известным человеком обязательно состоится [Лада Акимова. Умные вещи // «Семья», 2000.01.19].
- (27) В 17.30 понял, что «не судьба»: прошло 16 человек [Екатерина Выхухолева, Елена Загородняя. Потеря лица. Зарегистрировать предприятие по новым правилам уже почти невозможно // «Известия», 2002.12.10].

Как видно из этих примеров, именно интерпретация составляет семантическое ядро выражения $не\ cydьбa$; эксплицитно описываются события в недавнем прошлом или только что произошедшие, которые определенным образом интерпретируются. При этом событие в будущем, которое квалифицируется как невозможное, может даже не упоминаться в контексте: часто оно самостоятельно реконструируется адресатом.

У выражения *не суждено*, напротив, в фокусе внимания оказывается то событие, которое не смогло состояться. *Не суждено* невозможно поэтому употребить без эксплицитного указания на это событие; ср. неправильность следующих фраз при отсутствии разъяснений в контексте:

- (28) *Она ушла, значит, не суждено.
- (29) *Телефон пропал значит, не суждено.

Таким образом, основная функция не суждено — констатировать, что событие X не произошло, потому что судьба была против X, в то время как основная функция не судьба — интерпретировать какие-то факты, как означающие, что событие X не произойдет, потому что судьба против X.

Интерпретация, равно как и вытекающее из интерпретационности указание на временную ориентацию, не входят в ассертивный компонент значения не судьба; они составляют часть пресуппозиции. Таким образом, важное для русской языковой картины мира представление о том, что все в мире контролируется некой высшей силой — судьбой, — представляется как нечто заданное, очевидное. Это дает основания считать выражение не судьба культурно специфичной языковой единицей.

4.3. Негативность

О негативности выражения *не судьба* речь уже шла выше. Как было показано, в отличие от пары *суждено* — *не суждено*, где и утвердительная, и отрицательная формы одинаково частотны и имеют совершенно равный статус,